

УДК 271.21+27-9

**К ПРОБЛЕМЕ ЭТНОФИЛЕТИЗМА:
ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК. ЧАСТЬ II**

Венедиктов В.Ю.

На Святом и Великом Соборе-2016, состоявшемся на Крите, среди прочего была поднята проблема этнофилетизма. Отсутствующие делегации Русской, Грузинской, Болгарской и Антиохийской Православных Церквей на пленарном заседании были обвинены в этнофилетизме. Таким образом, ересь этнофилетизма, впервые провозглашенная на Константинопольском Соборе 1872 года, вновь стала актуальной. В настоящей статье мы исследуем два вопроса: каким образом и почему эта ересь появилась на свет и можно ли считать этнофилетизм ересью? Во второй части исследования повествуется о событиях накануне созыва Константинопольского Собора 1872 года (с момента обнародования знаменитого султанского фирмана 1870 года).

Ключевые слова: церковная история, схизма, греко-болгарский церковный конфликт, Константинопольский патриархат, Константинопольская патриархия, этнофилетизм, Святой и Великий Собор, Православие.

**ON THE PROBLEM OF ETHNOPHYLETISM:
A HISTORICAL STUDY. PART II**

Venediktov V.Y.

The Holy and Great Council on Crete, 2016 has risen an important issue of Ethnophyletism. Russian, Georgian, Bulgarian, and Antiochian Orthodox Churches delegations were not present at the Great Council and were criticized for Ethnophyletism at the plenary session. The heresy of ethnophyletism was announced by the Council of Constantinople in 1872. Now we can see that it became essential nowadays. The article tells about the origin of this heresy and whether the Ethnophyletism may be decided to be the heresy. The second part of the paper deals with the events on the eve of the Pan-Orthodox Synod in 1872 (since the manifestation of the famous Abdülaziz Sultan's Firman 1870).

Keywords: Church history, Schism, the Bulgarian Greek Church conflict, Constantinople Patriarchate, Constantinople Patriarchy, Ethnophyletism, the Holy and Great Council, Orthodoxy.

Султанский фирман 28 февраля 1870 года

Волнения на почве греко-болгарского церковного конфликта подтолкнули турецкое правительство к обнародованию знаменитого султанского фирмана 28 февраля 1870 года об учреждении независимого Болгарского экзархата. Фирман был подписан султаном Абдул-Азисом 27 февраля. На следующий день великий визирь Али паша вручил 2 экземпляра фирмана членам двусторонней греко-болгарской комиссии [9, с. 631].

Русская общественность восторженно восприняла факт провозглашения экзархата. На торжествах по случаю 1000-летия Болгарской Церкви И.С. Аксаков пожелал православным болгарам скорейшего признания их автокефалии со стороны других Церквей, с таким же пожеланием выступил ректор Московской Духовной Академии протоиерей А.В. Горский [5, с. 310].

Фирман состоял из 11 пунктов, включающих в себя следующие положения: образуется особый церковный округ под официальным названием Болгарского экзархата, экзарх назначается султанским бератом, в экзархат входят 14 епархий, 1 округ и 1 уезд, церковь св. Богородицы в Филиппополе (Пловдиве) также предоставляется экзархату, число епархий может увеличиваться подачей голосов населения. Экзархату предлагалось поминать Константинопольского Патриарха за богослужением, ставить его в известность о своих решениях и получать для своих нужд святое Миро в Константинополе и проч. [13, с. 6-9].

Споры вызвал 10й пункт фирмана, в котором определялись границы экзархата: в него входили епархии, где преобладало болгарское население: Русцукская (Русенская), Доростольская (Дристрская или Силистрийская), Преславская (Шуменская), Тырновская, Софийская, Врачанская, Ловчанская, Видинская, Нишская, Пиротская (Нишавская), Кюстендилская, Самоковская,

Велесская, а также побережье Черного моря от Варны до Кюстендже (кроме Варны и 20 сел, жители которых не были болгарами), Сливенский санджак (округ) без городов Анхиал (совр. Несебыр), Созопольская каза (уезд) без приморских сел и Филиппопольская (Пловдивская) епархия без городов Пловдив, Станимака (совр. Асеновград), 9 сел и 4 монастыря. В остальных областях со смешанным населением предполагалось провести «референдумы» среди населения болгарских епархий, а также тех епархий, православные жители которых в своем большинстве (2/3 жителей) пожелают войти в юрисдикцию Болгарского экзархата. По мнению одного из наблюдателей, «с какой именно целью Высокая Порта оставила вопрос о смешанных епархиях нерешенным – нетрудно угадать. В этом случае она действовала по своей традиционной политике: «Разделяй и властвуй» [12, с. 3].

Издание фирмана означало юридическое признание Болгарского экзархата со стороны турецких властей. Восстанавливалась независимость Болгарской Церкви, что способствовало саморазвитию болгарской народности (в Турции, как известно, отдельная народность не признавалась без существования самостоятельной Церкви). В то же время, окончательное решение вопроса могло быть достигнуто лишь примирением греков с болгарами и каноническим установлением будущих отношений между Вселенскою патриархией и Болгарским экзархатом. «Болгары получили право на собственную Церковь, но оно не было ни категорическим для всех областей с преобладающим болгарским населением, ни, тем более, практически гарантированным. В спорных епархиях, определенных в соответствии со ст. 10 султанского фирмана, борьба за свержение патриаршей власти вступает в новую, решающую фазу – за полное применение фирмана и присоединение к экзархату» [11, с. 379].

Критически к образованию экзархата отнесся российский посол в Константинополе граф Н.П. Игнатьев, заметивший «что на фирман, обнародованный вопреки воле Патриарха, нужно смотреть лишь как на один из эпизодов борьбы, или как на точку отправления нового примирительного

настроения, долженствующего соединить в одно общее целое все христианские народности Оттоманской империи» [18, с. 84]. Еще более критически на сей счет высказался знаменитый Московский митрополит Филарет (Дроздов), незадолго до своей кончины сказавший следующее: «Болгары имеют лишь упрямое желание, а понятия не приобрели. Учредить новую независимую иерархию можно только с благословения законносуществующей иерархии» [18, с. 84]. Лидеры болгарского церковного движения делали ставку на заключительные слова дарованного им фирмана: «Находя, что изложенные выше пункты удовлетворяют законные нужды обеих сторон и отстраняют бывшие прискорбные раздоры, наше высокое правительство одобрило их, чтоб они с этого времени служили правилом для действия и нарушение их не допускается» [19, с. 183]. Дальнейшие события показали, что турецкое правительство мало обращало внимания на это условие, которое болгары считали непреложным.

Таким образом, по фирману 1870 года болгарам давались многие права и привилегии, но также в нем содержались и спорные пункты – это вопрос о возношении имени патриарха при церковном богослужении, о выдаче султанских бератов (грамот) при назначении архиереев и о разграничении епархий болгарских и греческих.

В своей записке «О необходимости разрешения разногласий между Болгарской и Греческой церквами путем созыва Поместного собора представителей Восточных Церквей» А.Н. Муравьев кратко и очень точно характеризовал эти три пункта разногласий. «По первому пункту Патриарх требует, что все архиереи поминали имя его в церквах; болгары же согласны только, чтобы один старший экзарх между ними исполнял сие, как это бывает между равными Патриархами, и может быть, в этом уступит им Патриарх. По второму пункту он требует, чтобы все бераты архиереям шли чрез его руки, а не прямо из Порты; визирь же на этом настаивает, говоря, что это право гражданское, а не церковное, и в этом должен будет уступить ему Патриарх. По третьему пункту о взаимном разграничении, особенно трудно соглашение:

болгары требуют, чтобы везде, где две трети жителей их племени, и архиерей был бы из болгар; но патриарх ни как на это не согласен, по самой неопределенности такого разграничения, ибо тогда вся Македония может достаться в их руки, и представляет для их епархий границы собственно болгарские по ту сторону Балкан, чего опасаются турки, дабы из церковного разделения не возникло новое болгарское княжение по подобию сербского. В этом вопросе, где господствует политическое настроение, содействие нашего посольства одно только может помочь развязать сей Гордиев узел, воспользовавшись какой-либо благоприятной минутой» [2, с. 131].

Как русское правительство и посольство сумели воспользоваться благоприятным моментом для разрешения греко-болгарского церковного вопроса – видно из последствий обнаружения фирмана и первых шагов Болгарского экзархата.

В преддверии Константинопольского (Вселенского) Собора 1872 года

Российская дипломатия в лице посла графа Игнатьева старалась преподнести фирман 1870 года как основу для возможного соглашения между болгарам и греками [8, с. 297]. По ряду причин, указанных выше, сделать это было крайне сложно. Н.П. Игнатьев имел большое влияние на дела в турецкой столице при султанине Абдул-Азисе [6, с. 2] и церковным вопросам на Балканском полуострове уделял значительную часть своего времени. Игнатьев явно симпатизировал болгарам, но в то же время не мог и не хотел удовлетворить запросы сторонников полного разрыва с Патриархией.

Поддерживая, таким образом, требования болгар, «русская дипломатия в то же время не желала вражды между Патриархией и Болгарским экзархатом, ослабляющей единый фронт христианских народов в борьбе против османского владычества» [1, с. 82]. В литературе, однако, имеется попытка объяснить это греческим влиянием на русских дипломатов и на Российский Синод, неосведомленностью обер-прокуроров, недостаточно сведущих в канонической и политической стороне вопроса [8, с. 26]. Бесспорно, что среди русских дипломатов были лица греческого происхождения (Аргиропуло, Кумани), что

Обер-прокуроры Синода были более государственными деятелями, чем церковными лицами, – это связано с самим смыслом существования Синода. Но русская дипломатия испытывала непосредственные влияния также и со стороны болгар, как тех, кто был связан с русским посольством по службе (Н. Геров, Ф. Стоянов-Бурмов и др.), так и руководителей болгарского церковного движения (еп. Илларион). Наконец, в формировании мнений Синода и по многим вопросам в позиции дипломатии большую роль играли мысли и суждения видных и влиятельных иерархов, например митрополита Московского Филарета (Дроздова), епископа Феофана (Говорова), архиепископа Литовского, впоследствии митрополита Московского, Макария (Булгакова), которых в канонической неосведомленности подозревать нет основания. Во многом позиция России сводилась к простой формулировке: «Россия не вправе равнодушно смотреть на происходящее беззаконие; по давнему праву покровительства православным народам Востока, она должна определенно высказаться против назревающего раскола» [4, с. 50].

После появления султанского фирмана 1870 года Константинопольский Патриарх Григорий поддается влиянию крайней фанариотской партии славянофобов и единственным средством разрешения греко-болгарского вопроса считает Вселенский собор. На встрече с болгарскими представителями Патриарх выражает свое возмущение, он удивлен, слыша слова "болгарский представитель", "болгарская нация", так как Церковь не признает племенных различий. По мнению патриарха, если болгары желают уступок, то им следует обратиться к Вселенскому собору [18, с. 87-88].

Болгарский исследователь И. Снегаров замечает непоследовательность Константинопольской патриархии в предсоборной подготовке. Патриархия сочла неканоническим фирман султана Абдул-Азиса об учреждении Болгарского экзархата, признавая в то же время берет султана Мустафы III об уничтожении в 1767 году Охридской архиепископии [16, с. 77]. 30 сентября 1870 года Патриарх отправляет окружное послание самостоятельным Церквам по греко-болгарскому делу, в котором призывает представителей Поместных

Церквей к созыву Вселенского собора.

Реакция Поместных Церквей была неоднозначна. Афинский Синод признает неотложность Вселенского собора и высказывается против болгарских притязаний. Антиохийский и Иерусалимский Патриархи осудили принцип национальностей в церковных делах. Сербская Церковь высказывается против собора. Российский Священный Синод в ответном послании своем «со всею откровенностью, хотя и со скорбью в сердце» высказал, что не может согласиться с мыслию, будто бы для решения вопроса необходим созыв Вселенского собора, который может быть созван лишь по делам, касающимся всего православия и вселенской веры, чего нет в настоящем случае [18, с. 92].

Часть русского общества настаивала на созыве не Вселенского, а Поместного собора и видела в нем реальную попытку разрешения спора. Высказывалось мнение, что «Вселенский собор не мыслим в настоящее время, но его может заменить Поместный на Востоке, где будут участвовать, кроме греческих иерархов, и Сербский и Румынский, для того чтобы перевес не был на стороне греков». С российской стороны на соборе, по мнению А.Н. Муравьева, мог бы присутствовать российский апокрисиарий, «который вместе со знанием греческого языка должен опытно знать все обстоятельства Востока, особенно касающиеся до болгарского вопроса и пользоваться доверием обеих сторон. Таков у нас один только архимандрит Иерусалимской Миссии Антонин (Капустин), который по своему характеру и познаниям, может вполне удовлетворить всем сим требованиям» [2, с. 134]. В нижеприведенных словах А.Н. Муравьева содержится не только упрек в адрес болгарской делегации, но и надежда на соборное решение затянувшегося греко-болгарского конфликта: «болгары, не довольные уступками Вселенского патриарха, забежали в Порту и испросили себе султанский фирман, как бы некое каноническое решение в деле собственно церковном. Церкви христианской, какова бы она ни была, невозможно допустить, чтобы магометане разрешали в ней жизненные вопросы мимо ее священноначалия, и великий визирь чувствует уже сию ошибку и готов ее исправить. Он согласен, чтобы Патриарх представил ему соборное

определение по сему предмету, только для гражданского его признания, и Патриарх со своей стороны готов еще несколько уступить болгарам, хотя и упорно стоит за некоторые пункты. Следовательно, теперь самая благоприятная минута для соборного решения» [2, с. 134].

В январе 1871 года состоялась рабочая встреча Патриарха Григория VI с знаменитым турецким государственным деятелем, великим визирем Османской империи Мехмед Эмин Али-пашой. Из письма врача при Русском консульстве Константинополе В. Каракановского известному деятелю Московского благотворительного славянского комитета Н.А. Попову от 25 января 1871 года следовало, что «20 сего месяца патриарх был у Али паша и потребовал, чтобы Порты или позволила ему собрать Вселенский собор или принять его отставку. Великий визирь ответил, что Вселенский собор не может быть из-за болгарского вопроса, потому что он есть *нерелигиозный вопрос*» [2, с. 135].

После этого признания великого визиря Патриарх Григорий VI покинул престол и ушел на покой. На его смену пришел уже дважды до этого избиравшийся на Патриарший престол 82-летний старец Анфим VI, кандидатуре которого благоприятствовал и русский посол в Константинополе граф Н.П. Игнатьев. По словам В. Теплова, патриарх Анфим был «еще со времен Крымской войны русским кандидатом на Патриарший престол, и когда Анфим дал положительные обещания привести греко-болгарскую распрю ко взаимному и справедливому соглашению обеих народностей, он был выбран Вселенским патриархом» [18, с. 96]. Смена Константинопольских Патриархов в 1871 году совпала с жуткой холерой в Константинополе, унесшей жизнь тысячам людей [2, с. 135].

В первые месяцы своего повторного, третьего избрания престарелый Патриарх Анфим VI пошел на мирные переговоры с болгарскими представителями, обещая им признать в будущем самостоятельность Болгарской Церкви при условии, если болгары откажутся от осуществления фирмана. Такое отношение Патриарха Анфима вызвало добрые надежды болгар. Параллельно со сменой греческих Патриархов, в феврале 1871 года в

Константинополе был созван первый Болгарский церковно-народный собор, где был выработан устав Болгарского экзархата [14, с. 83]. Благим начинаниям экзархата, находящегося в условиях османского ига, сопутствовали идейные разногласия, тактические различия, личные и скрытые страсти между отдельными течениями и группами видных болгарских представителей в Константинополе. В то же время, болгары, видя уступчивость Патриарха Анфима, стали увеличивать свои требования и представили Патриарху список требуемых ими для экзархата 35 епархий, охватывающих 3/4 Македонии. Патриарх предложил болгарам свой список уступаемых епархий, находящихся исключительно в Болгарии.

В итоге, в октябре месяце 1871 года между Патриархом и болгарами было установлено соглашение по всем пунктам за исключением разграничения епархий. Из сообщений Ф. Стоянова-Бурмова от 5 октября 1871 года: «Новый Вселенский Патриарх, кир Анфим ревностно принимается за дело примирения с болгарами. Болгарские архиереи были на днях у него. Он их принял с должными почестями и возвратил им визит. Хотя еще нельзя предсказывать какой конец будут иметь переговоры, которые кир Анфим начал с болгарскими вождями, но есть большая надежда, что окончатся соглашением между ними и Великою Церковью» [2, с. 136].

Уступки Патриарха Анфима были очевидны: 1. Патриарх отклонил созыв Вселенского собора; 2. Удалил из Константинополя враждебных болгарам митрополитов Дерконского, Кизикского и Клеовула Кесарийского; 3. Посетил в Ортакее епископов, чем предал забвению их осуждение; 4. Принял болгарскую депутацию с Илларионом Макариопольским и С. Чомаковым во главе; 5. Установил соглашение с болгарами по всем пунктам фирмана 1870 за исключением 10 пункта по епархиям Болгарского экзархата. Главнейшее затруднение при разграничении епархий представляли города Охрид и Битолия (к востоку от Охрида). Греческое (афинское) правительство в лице поверенного в делах, господина Разиса, объявило разграничения епархий чрезмерными. «Греки не хотели их уступить из страха отдать жителей албанского

происхождения в добычу славянству. Болгары же, со своей стороны, требуют эти местности как древнюю часть их отцовского наследия» [18, с. 98].

Несмотря на обвинения в свой адрес со стороны крайней греческой партии и греческой печати, Святейший Анфим согласился включить в состав будущего экзархата епархии: Тырновскую, Софийскую, Видинскую, Дристрскую (Доростольскую), (за исключением Кюстендже) Кюстендильскую, Преславскую, Самоковскую, Нишскую, Нишавскую, Ловчанскую, Врачанскую, Червенскую (по-русски – Руцукская, с городом Руцук), Велесскую, Скопийскую, Охридскую, Филиппопольскую (за исключением этого города), Варненскую (за исключением самого города), Бальчика и деревень побережья до Кюстендже и Созопольскую (за исключением самого города и деревень побережья) и другие местности для образования новых епархий. Таким образом, экзархат состоял бы из 23 епархий.

Патриарх обещал назначать священников из болгар во всех смешанных местностях, зависящих от Константинопольского Патриарха, лишь только их жители заявят о том желании. В середине декабря 1871 года по дипломатическим каналам доходят сведения, что будто бы «все предвещает, что греко-болгарский вопрос будет в скором времени разрешен примирением между Патриархию и болгарами. Переговоры почти оканчиваются между последними и Великою церковью» [2, с. 138].

Литургия в праздник Богоявления (Крещения) Господня 6-го января 1872 года и ее последствия

Старания Патриарха Анфима VI (Иоаннидиса) в деле примирения греков и болгар были омрачены хроническим дефицитом Патриаршей казны. Причина в утери денег крылась в простом факте: из расчета выбыл такой крупный плательщик, как миллионная паства Болгарии. Фанариотская элита, полностью зависящая от бюджета Патриархии, внимательно следила за действиями своего владыки и в случае несогласия с последним вынуждала идти его тем путем, какой виделся им, а не ему. К тому же, незадолго до собора патриарху стали припоминать его "заслуги" предыдущего первосвященства, выпавшего на

период Крымской войны, в ходе которой он занял откровенно русофобскую позицию, предписывая подчиненному ему епископату неустанно призывать православных к повиновению угнетателям [21, с. 27-29].

Среди константинопольских греков усиливалась вражда к иноплеменным единоверцам, доходя до степени нетерпимости. «Привыкшие к безраздельному фактическому влиянию на дела Патриархии (хотя и без всякой ревности в материальной поддержке Церкви – любители благотворения на чужой счет) константинопольские богачи-греки встречали, что называется, "в штыки" самые умеренные призывы патриарха к разрешению спорных вопросов в духе истинной христианской любви» [21, с. 37]. По свидетельству И.И. Соколова, «Порта своим вмешательством в церковное дело утвердила болгар в филетизме, а греки-миряне давлением на Патриарха и Синод устранили всякую возможность уступок в церковной распри, превращенной в национально-политическое дело» [17, с. 650-651]. В. Теплов так комментирует непростую обстановку на конец декабря 1871 – январь 1872 гг.: «Если до сих пор мы видели, что церковный вопрос не разрешался лишь благодаря упорству, с которым Вселенский Патриархат отказывал в удовлетворении самых справедливых требований болгарского народа, то та же справедливость требует, чтобы мы воздали должное и Патриарху Анфиму. Его Святейшество простер свою уступчивость до крайних пределов, надеясь этим достигнуть умиротворения распри, столь долго раздиравшей две православные народности; он сделал Болгарскому экзархату такие значительные территориальные уступки, более которых болгары не могли рассчитывать получить и которые вызвали прямые обвинения Святейшего Анфима в измене греческому делу. Патриарх пренебрег этими обвинениями. Он жертвовал собою, он соглашался даже, чтобы его считали изменником, так как пред ним стояла высокая цель восстановления мира в Православной Церкви. И чем же отплатили благодарные болгары Патриарху за его миролюбие? Самовольным служением Литургии в день Богоявления Господня 6-го января 1872 года» [18, с. 101].

Литургия была отслужена без благословения Константинопольского

Патриарха тремя болгарскими иерархами (Илларион Макариопольский, Панарет Пловдивский и Илларион Ловчанский) в церкви святого Стефана в Балате (стамбульский квартал). В крещенский сочельник была организована массовая потасовка возле здания Патриархии, но Патриарх Анфим на уступки не пошел.

Литургия в праздник Богоявления (Крещения) Господня 6 января 1872 года радикально изменила последующий ход греко-болгарского вопроса. После Литургии возникла дилемма: либо раскол в Греческой Церкви, либо отречение Патриарха Анфима [15, с. 4]. Патриарх желал скорее покончить дело путем прямого соглашения с Илларионом Макариопольским, который в таком случае мог бы быть назначен экзархом. Вмешавшийся в дело, соперник Иллариона, Панарет Филиппопольский (Пловдивский) постарался доказать радикалам болгарской партии необходимость засвидетельствовать независимость Болгарской Церкви от Вселенского Патриархата. Радикалы руководствовались тем соображением, что как бы ни были выгодны условия соглашения с патриархом, всегда останутся болгары, живущие вне границы экзархата и которые будут подлежать юрисдикции Патриархии. Логика радикалов была проста: всякое соглашение с Патриархом бесполезно и даже вредно.

Состояние престарелого иерарха было удручено и теряло свою прежнюю энергию. «Видя себя обманутым и болгарскими и двуличными поступками Порты, которая легко могла бы воспрепятствовать служению 6-го января, св. Анфим, при отсутствии в его характере необходимой твердости, впадает, что весьма естественно, в другую крайность, подчиняясь влиянию греческих банкиров, начинающих играть первенствующую роль, благодаря пустоте Патриаршей казны, которую они наполняют от времени до времени, но под условием, чтобы Патриарх действовал в том или другом смысле, обращая его таким образом в слепое орудие своих личных и своекорыстных целей и замыслов» [18, с. 104].

Получив разрешение Порты, в феврале болгары начали подготовку к выборам экзарха и предоставили правительству пять кандидатур. Великий

визирь вычеркнул из этого списка Панарета Филиппольского и Иллариона Макариопольского как лишенных сана. Из 13 избирателей 7 проголосовали за Иллариона Ловчанского и 6 – за Анфима Видинского. За Иллариона Ловчанского голосовала радикальная болгарская партия, а за Анфима Видинского – умеренные болгары, выступавшие за соглашение с Патриархом и считавшие его способным предотвратить раскол Церкви [7, с. 36]. Экзарх Илларион, по отзыву очевидцев, «человек старый, слабый, бесхарактерный, сам сознал, что он вовсе не подходит к высокому положению, куда вызвал его народный выбор, в особенности при трудных обстоятельствах, со всех сторон окружавших экзархат и требовавших не только одной доброты душевной, которою отличался Илларион, но и известной подготовки, знаний и энергии, невозможной при престарелом его возрасте. Вследствие этого сознания Илларион сам подал в отставку и был заменен Анфимом Видинским» [18, с. 109].

В итоге, 16 февраля 1872 года экзархом был избран Видинский митрополит Анфим (1816-1888), выпускник Халкинской школы, а затем Московской Духовной Академии. В сан иеромонаха он был рукоположен митрополитом Московским Филаретом (Дроздовым) [3, с. 15]. В 1868 году был поставлен в митрополита Видинского, осенью того же года был вынужден пойти на поводу болгарской партии и 6 декабря 1868 года совершил Литургию, не помянув имени Вселенского Патриарха. Преосвященный Анфим обладал даром обаятельного красноречия. «Проповеди его в Константинополе производили потрясающее впечатление, и греческие журналы того времени приравнивали его к знаменитостям древнего мира и называли его новым Иоанном Златоустом» [18, с. 74].

Несмотря на общую радость болгар, реальное положение дел было сложным. Патриарх уже не мог мириться с успехами экзархата. В марте 1872 года экзарх Анфим отправляется в Константинополь. «Экзарх болгарский, которого болгары титулуют уже "блаженнейшим" прибыл на днях в Константинополь. Он встречен был как здесь, так и во всех болгарских городах

(и станциях) через которые проезжал с небывалым доселе в отношении к духовному лицу почестями. В Рущуке, например, ожидали его на берегу Дуная при многочисленном стечении народа 60 болгарских священников в церковном облачении, армянский епископ со своим духовенством также в церковном облачении и взвод турецких солдат. В Варне он встречен был военною музыкаю и проч. Он будет также иметь аудиенцию у султана. Неизвестно только как окончится дело с Патриархом, который все еще упорствует в своих притязаниях. Болгары сделают, по случаю приезда экзарха, последнюю попытку к примирению с ним, и если она будет неудачною, то они, возложив ответственность на Патриархат, станут делать свое дело, не обращая ни малейшего внимания на его притязания» [2, с. 143].

Между тем, из письма Ф. Стоянова-Бурмова от 9 мая 1872 года видно, что «попытка Болгарского экзарха войти в переговоры с патриархом не удалась, так как Его Святейшество отказался принять экзарха. Надежды на примирение между обеими сторонами никакой уже нет. Патриарх издал на днях против экзарха окружное письмо, которое раздражило даже самых умеренных болгар. Его Святейшество дает экзарху тридцатидневный срок, после которого последний, если не заявит своего полного подчинения Патриарху, будет лишен сана. Это будет сделано по всей вероятности на соборе, который будет созван в конце текущего месяца, когда прибудут сюда все Восточные Патриархи» [2, с. 144]. Патриарх приводит в исполнение свое желание о созыве Поместного собора, отослав приглашения восточным иерархам. Приглашение принять участие в соборе получают все Предстоятели Поместных Восточных Церквей [10, с. 169].

Таким образом, вопрос об объявлении болгарской схизмы вошел в повестку дня предстоящего Константинопольского собора. В этом церковном несчастье были виновны обе стороны, хотя каждая из них обвиняла только другую, считая себя безусловно правой. Для самой Константинопольской Патриархии предстояло очень ответственное решение: отлучить от своего

общения несколько миллионов единоверцев, оправдывающих свою церковную самостоятельность политическими соображениями.

Список литературы:

1. Болгаро-российские общественно-политические связи 50-70-е гг. XIX в. Кишинев, 1986.
2. Венедиктов В. Россия и Константинопольский Патриархат. Этноконфессиональный диалог России и Константинопольского Патриархата во второй половине XIX века. Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing, 2011.
3. Верюжский В.М. Историческая роль болгарского духовенства в народной и политической жизни Болгарии. Петроград, 1916.
4. Герд Л.А. «В делах Востока первой заботой нашей должна быть Святая Церковь...». Две записки обер-прокурора Св. Синода А. П. Толстого по греко-болгарскому вопросу с комментариями императора Александра II. 1860 г. // Исторический архив. 2003. № 2.
5. Герд Л.А. Россия и греко-болгарский церковный вопрос в 80-90-е годы XIX века // Религии мира: История и современность. М., 2004.
6. Дмитриевский А.А. Граф Н.П. Игнатъев как церковно-политический деятель на православном востоке (По неизданным письмам его к начальнику Русской Духовной Миссии в Иерусалиме о. архимандриту Антонину Капустину). СПб., 1909.
7. Дринов М. Как е създадена Българската Екзархия. София, 1898.
8. Кирилл, Патриарх Български. Граф Н.П. Игнатъев и българският църковен въпрос. София, 1959.
9. Косик В.И., Темелски Хр., Турилов А.А. Болгарская Православная Церковь // Православная Энциклопедия. М., 2002. Т. V.
10. Лилуашвили К.С. Национально-освободительная борьба болгарского народа против фанариотского ига и Россия. Тбилиси, 1978.
11. Маркова З. Българската Екзархия 1870-1879. София, 1989.

12. Муркос Г. Мнение православных арабов о греко-болгарской распре. М., 1880.
13. Пальмов И. С. Болгарская Экзархийская Церковь: Первоначальное и современное ее устройство. СПб., 1896.
14. Поместные Православные Церкви. М., 2004.
15. Русский мир. 1872. № 23.
16. Снегаров И. Взаимоотношения Болгарской и Русской Православных Церквей до и после провозглашения схизмы (1872 год). Годишник на Духовната Академия, София, Т. II (XXVIII), 1951-1952 (Рецензия) // Журнал Московской Патриархии. 1954. № 4.
17. Соколов И.И. Константинопольская церковь в XIX веке. СПб., 1904. Т. 1.
18. Теплов В. Греко-болгарский церковный вопрос. СПб., 1889.
19. Филиппов Т.И. Современные церковные вопросы. СПб., 1882.
20. Шабатин И.Н. Константинопольская патриархия и балканские славяне в 50-70-х гг. XIX в. // Журнал Московской Патриархии. 1948. № 6.

Сведения об авторе:

Венедиктов Вадим Юрьевич – кандидат исторических наук, член Научно-экспертного совета Института современных гуманитарных исследований (Москва, Россия).

Data about the author:

Venediktov Vadim Yuriyevich – Candidate of Historical Sciences, member of Scientific Expert Council, Institute of Modern Humanitarian Researches (Moscow, Russia).

E-mail: benedictus@list.ru.